

Глава 1

Назойливая мелодия разорвала сладкую дрему. Лера, не открывая глаз, зашарила рукой возле изголовья кровати. На ощупь провела пальцем по экрану мобильного, зная, что через пять минут снова сработает будильник, но звук не прекратился.

— Черт! — выругалась она, с трудом разлепив глаза.

Тусклый свет экрана призрачным сиянием освещал крохотную спальню. За окном царил темнота.

«Не будильник, — поняла Лера. — Входящий звонок».

Ничего толком не осознав спросонок, девушка ответила:

— Алло.

— Лера, здравствуй. Это тетя Зоя.

«Какая на фиг тетя Зоя?!»

Девушка поднесла телефон к лицу: три двадцать утра.

— Соседка твоей бабушки, — продолжал женский голос.

Лера приложила трубку к уху, пытаясь вспомнить эту самую соседку. Мысли были вязкими и неповоротливыми, словно сон еще не отступил.

— Да, слушаю, — недовольно проговорила она.

— Твоя бабушка... — Собеседница замолчала на пару секунд. — Милая, твоя бабушка умерла.

Сначала Лере показалось, будто сказанное нереально, но потом в голове пронеслось: «Не может быть! Я собиралась к ней ехать через пару недель».

— Как? — только и смогла вымолвить девушка.

— Да во сне, милая. Легко ушла, не мучилась, — торопливо ответила тетя Зоя. — Ты приезжай. Хоронить ведь надо.

— Хорошо, — как заколдованная, ответила Лера.

Соседка Зоя еще что-то говорила, но девушка не могла вникнуть в суть, ее сознание затопил жгучий стыд.

«Почему? Почему я не поехала раньше? А теперь поздно. Не успела».

Лера не бывала в родном городе с самого детства. А в последний год звонила лишь пару раз в месяц — и на этом все. Много лет она обещала навестить бабушку летом или в Новый год, и всякий раз находились дела поважнее.

Отчего-то ей казалось, будто можно почувствовать, как в кино или книгах, если что-то случится с близким человеком. Но никаких ощущений не было: типичный день, обычная ночь.

Чем закончился разговор, Лера не поняла. Она поднялась на ватных ногах, включила свет и принялась искать ближайший рейс, сжимая телефон в трясущейся руке.

Подходящий билет нашелся удивительно быстро.

«Надо поспать еще хотя бы час, потом решить рабочие вопросы, собрать вещи и на вокзал», — проговорила про себя Лера и повалилась обратно на кровать.

Сон не шел, хотя веки казались тяжелыми, а голова кружилась. Девушка прикрыла глаза, натянула на себя одеяло. Но вместо дремы пришли образы прошлого. Лера вспомнила, как в детстве каждое лето родители отправляли ее к бабушке.

Мать не раз хотела забрать пожилую женщину к себе. Но та отказывалась наотрез. После смерти родителей внучка тоже заводила подобный разговор.

— Нет, — каждый раз отвечала Лидия Петровна. — Здесь родилась, здесь и помру.

Лера уже три года жила в Москве одна. Но бабушка все равно отказывалась к ней переезжать.

* * *

Светило яркое весеннее солнце. Еще холодный ветерок трепал волосы. Небо было ясным. Малоэтажные дома старого центра выглядели нарядными в утренних солнечных лучах. Все, кроме особняка купца Субботина, знакомого Лере с детства. Здесь, в комнате коммунальной квартиры, жила ее бабушка. Сочная молодая зелень пестрела меж дворов и в переулках. Только у старого дома, к которому направлялась девушка, деревья стояли голые, словно высохшие от уныния. Стрельчатые окна и острые пики башен выделяли особняк на фоне старых купеческих строений.

Лера заправила за уши выбившиеся русые пряди, перехватила поудобнее ручку чемодана. Пластиковые колесики противно скрежетали о брусчатку. Через десяток шагов ветер вновь растрепал ее каре. Лера нервным жестом убрала волосы с лица.

Вдруг из-за кирпичной арки наперерез девушке вывалилась толпа.

— А теперь обратите внимание на окна третьего этажа. Кое-где сохранилось оригинальное остекление. Прямо над ними можно увидеть башенки, увенчанные остроконечными пирамидами. Они имеются на углах, а также у эркера и центра торцевого фасада. Особняк — яркий пример стиля неоготика, — прозвучал искусственно усиленный голос экскурсовода.

От неожиданности Лера остановилась. Толпа заняла весь узкий тротуар. Люди задрали головы, уставившись на те самые башенки.

— Согласно архивным документам, первоначальное здание имело два этажа, — продолжал экскурсовод. — В тысяча девятьсот десятом году владельцем усадьбы становится потомственный почетный гражданин Субботин...

Лера чертыхнулась и пошла сквозь толпу. Кучка туристов вызвала в ней раздражение и даже злость.

«Там внутри бабушка ждет, когда ее проводят в последний путь, а снаружи собрались зеваки, чтобы поглазеть на остатки былой роскоши», — выругалась она про себя.

Толпа расступилась только после того, как пластиковые колеса чемодана проехали по чьей-то ноге.

— Эй, аккуратней! — возмутился незнакомец.

— Простите, — бросила Лера не оборачиваясь.

Когда она потянула тяжелую деревянную дверь, из подъезда пахло чем-то прелым. После яркого дневного света девушку на секунду окутала темнота. Вскоре глаза привыкли к тусклому электрическому освещению. На полу все та же вековая плитка, по бокам выкрашенные оливковым цветом стены. Резная чеканка, когда-то помпезно украшавшая парадный вход, скрывалась под слоями краски. Лера провела по ней пальцами, вспоминая детство. Лестничный пролет был ярко освещен, солнечный свет лился из трехметрового окна. Девушка застыла на мгновение, прислушалась, а после зашагала по старым щербатым ступеням. На втором этаже Лера остановилась, ей вдруг стало не по себе. Казалось, будто старая коммуналка совсем не изменилась, даже запахи остались прежними.

Узкий, заставленный шкафами и тумбами коридор представлял собой почти правильную букву «П». Слева в арке прохода на советском турнике подтягивался парень. Лера ошалело уставилась на его спину. Пестрые спортивные шорты и резиновые сланцы составляли весь наряд незнакомца. Тот не заметил девушку и продолжал пыhtеть, поднимая подбородок к турнику.

Лера кашлянула. Парень спрыгнул с турника, обернулся.

— Оу... привет, — удивленно выдал он.

— Привет, — недовольно ответила Лера.

Парень посторонился, пропуская ее.

— Ты к кому? — вдогонку спросил незнакомец.

Лера остановилась.

— К бабушке, — ответила она.

Парень убрал с лица светлую челку.

— Никита, — представился он и протянул руку.

Лера с недоверием глянула на его ладонь, а потом на обнаженный торс. Парень убрал руку.

— А-а, ты внучка Лидии Петровны, — предположил Никита, указывая в сторону бабушкиной комнаты.

Лера кивнула.

— Соболезную, — участливо произнес он.

— Спасибо.

— Я тут комнату снимаю, вон, последняя по коридору. Не стесняйся, если с чем помочь надо.

— Спасибо, — бросила Лера и побрела дальше по коридору.

Ей хотелось поскорее отделаться от странного незнакомца, столь неуместного посреди ветхой старости особняка.

Она успела отойти на несколько шагов, когда над головой раздался громкий топот. Девушка подняла лицо к потолку.

— Что? — спросил Никита.

— Дети, что ли? — пробормотала Лера.

Парень нахмурился.

— Кто сейчас наверху живет?

Никита пожал плечами:

— Никто. Над нами комнаты пустуют.

— А кто тогда топает? Слышал? — Лера показала наверх.

— Нет, — недоуменно ответил парень.

— Ладно, ничего. Спасибо.

Никита снова пожал плечами, развернулся и зашагал в противоположном направлении.

Лера дошла до бабушкиной двери, потянулась пальцами к круглой стеклянной ручке и вдруг замерла. Ей стало необъяснимо жутко, словно, открыв эту дверь, она навсегда лишится чего-то важного, о чем даже не знала.

Дверь оказалась заперта. Лера обернулась: коридор уже был пуст.

Полумрак создавал тревожное предчувствие. Девушка сильнее потянула на себя стеклянную ручку, результат тот же — дверь не поддавалась.

«Какая дура! — отругала себя она. — Ни ключа, ничего...»

Лера попыталась вспомнить, в какой комнате живет тетя Зоя. Нужные воспоминания не приходили на ум. Тогда она постучала в соседнюю дверь. Тишина. Лампочка под потолком замигала. Сверху снова послышался топот.

— Черт! — в голос выругалась Лера и полезла в сумку за телефоном.

Нашла в истории вызовов номер, с которого звонила соседка. Не помогло, не было сети. Лера еще раз

громко выругалась, швырнула чемодан к стене и пошла обратно к лестнице, спустилась на пролет — к огромному витражному окну, поднесла к нему телефон, вызов пошел.

— Алло, — прозвучал голос пожилой женщины.

— Тетя Зоя, это Лера. Я здесь, приехала, уже в доме, — затараторила девушка, держа телефон в вытянутой руке.

Звуки гулким эхом разносились по лестничной площадке.

— Иду, иду, милая, — прозвучал в ответ искаженный булькающий голос.

Сеть снова пропала.

Лера поднялась обратно, в начале полутемного коридора остановилась. Справа послышались далекие шаркающие шаги.

Когда она разглядела ссутулившуюся старушку, поняла: это и есть тетя Зоя. Оказалось, память хранила образ бабушкиной соседки, только лет на десять моложе.

— Лера? — спросила пожилая женщина, подслеповато прищуриваясь.

— Да, это я.

— Ой, и не узнать. Я ведь тебя вот такой помню, — тетя Зоя показала высоту своего бедра. — Ну, пойдем. Заперла на всякий случай, а то мало ли что.

Лера пошла впереди. Ей одновременно не терпелось увидеть бабушку и было жутко от предчувствия предстоящего зрелища.

У бабушкиной комнаты тетя Зоя достала из кармана ситцевого халата ключ, провернула его в замке и распахнула дверь. Лера на ватных ногах шагнула внутрь, забыв про чемодан и вообще обо всем на свете.

Глава 2

Похоронные хлопоты превратились в нескончаемую череду бессмысленных действий: глупые очереди к участковому врачу и в ЗАГС, бесконечные решения — выбрать то или это. Лере казалось, будто все происходит как в тумане. Не покидало только чувство стыда, что не успела, не застала, не почувствовала, не была рядом. Часы слились в один затянувшийся мучительный день.

Девушка осознала себя сидящей на бабушкином диване перед алым гробом с нелепыми черными рюшами. Ярко светил абажур под потолком, за окном горели фонари. Справа сидела тетя Зоя, слева почему-то Никита.

— Жутко, наверное, ночевать здесь одной, — сказал парень.

— Лера, если ты боишься, я могу остаться, — предложила соседка.

— Нет. Чего тут бояться? — ответила девушка и, повернувшись к парню, добавила: — Думаешь, она встанет среди ночи?

Лера вдруг подумала, что, случись такое, не испугалась бы, а бросилась к бабушке просить прощения за то, какой дрянной внучкой была. Стыд жег изнутри, вытесняя остальные чувства.

— Скажешь тоже, — хмыкнул Никита. — Ну и шутки.

— Я пойду, милая, до завтра, — попрощалась тетя Зоя и вышла.

— Хочешь, останусь? — спросил Никита.

— Не-е-ет. Спасибо, конечно, но мы знакомы-то... —

Лера не успела закончить фразу.

— И что? Зато я бабушку твою знал, — перебил парень. — Она мне всегда помогала и вообще всем помогала.

— Это на нее похоже, — с улыбкой проговорила Лера. — Спасибо. Все нормально, мне совсем не страшно.

— Я тогда пошел. Если что — зови, последняя комната по коридору.

Девушка кивнула.

— Прости меня, — прошептала Лера, когда осталась одна.

Она уставилась на тело, некогда бывшее ее бабушкой. Тянулись минуты, ничего не происходило. Комната осталась почти прежней. Лере даже показалось, будто со времен ее детства ничего не изменилось, разве что обои выцвели да краска на оконных рамах облупилась. Девушка огляделась: три узких окна по одной стороне, напротив, в углу, старинная печь. Ее дымоход давно неисправен. Лере вдруг захотелось провести пальцами по старым, едва сохранившимся изразцам. В детстве она представляла, будто это камин настоящего замка. Чугунная печная створка так и манила, будоражила воображение, и бабушке пришлось ее заварить.

Девушка поднялась и медленно пошла по комнате, не обращая внимания на гроб, стоящий по центру на двух табуретках.

Молочного цвета изразцы были чуть прохладными на ощупь. Пальцы, словно в детстве, заскользили по трещинам и щербинкам, старательно замазанным бабушкиной рукой.

У соседней стены выстроились книжный шкаф, громоздкий телевизор на табурете и старинный рез-

ной буфет, втиснувшийся у окна. В желтоватых стеклах его верхней части бликовал свет уличного фонаря. Тут же, у подоконника, круглый деревянный стол на массивных ножках. На застиранной скатерти Лера увидела знакомую фарфоровую сахарницу, инстинктивно подняла крышечку, увидела кубики сахара и заплакала. Ее словно прорвало. Детские воспоминания о том, как она бросала белые кубики в чай, а бабушка сидела рядом и улыбалась, резанули по сердцу. До того девушка держалась, понимая, что, кроме нее, некому организовать похороны, ведь родителей уже нет в живых. Слезы катились по щекам, и Лера шмыгала носом, замерев у окна. Пейзаж расплывался перед глазами, словно по стеклу струилась вода. Улица была пуста: ни прохожих, ни проезжающих машин. После вечно неспящей столицы такая безлюдность поражала.

Вдруг что-то мелькнуло слева, в поле бокового зрения. Лера повернулась, утерла слезы тыльной стороной ладони. Будто солнечный зайчик прыгнул по зеркалам трельяжа. Этот атрибут всех советских квартир бабушка поставила в углу, между окном и диваном, прямо напротив буфета.

«Зеркала!» — ошарашенно осознала девушка.

Их полагалось повесить. Тетя Зоя в этом помогала. Лера точно помнила, что трехстворчатое зеркало они закрыли цветастой простыней.

Простыня лежала на полу. Бабушка все так же неподвижно покоилась в своем ложе.

— Что за... — вслух произнесла девушка.

Но не успела закончить фразу: что-то грохнуло над потолком, раздался топот.

«Никакого уважения! — зло подумала Лера. — Спать уже давно пора».

Она накинула простыню на трельяж, заозиралась, увидела за шторой швабру, схватила и принялась стучать в потолок. После адского дня нервы у нее были ни к черту.

Топот прекратился.

— Так-то, — прошипела Лера, отставила швабру и уселась на диван.

Ей не сразу вспомнились слова Никиты: «Над нами комнаты пустуют». А когда она припомнила его фразу, удивилась.

«Кто-то же топает над головой?»

Лера провела пару минут, прислушиваясь. Тишина.

Она снова осмотрела комнату. Трельяж все так же был закрыт цветастой простыней. У входа теснились два разномастных шифоньера, холодильник, массивная вешалка, рыжая шторка, которой бабушка закрывала дверь, тумба и этажерка около печи. Полосатые серо-голубые обои в теплом электрическом свете казались еще более старыми и пожелтевшими, словно осенние листья. Теперь Лера старалась не смотреть на гроб. Ей стало не по себе. Появилось ощущение чьего-то присутствия.

Девушка порывисто поднялась, проверила, заперта ли дверь. Оказалось, нет. Повернув ключ в замке, Лера немного успокоилась. Сама не понимая зачем, задернула шторку, как делала бабушка. Потом прошла к книжному шкафу, поправила иконы, что стояли на верхней полке.

Совсем успокоившись, Лера устроилась на диване, положила под голову подушку и стала смотреть на лепнину потолка. Длинные тени от абажура очерчивали квадратную комнату, одну из самых просторных на этаже. Красоту лепнины нарушали желтоватые пят-

на подтеков в углу и местами облупившаяся штукатурка. Незаметно девушка задремала.

Ее разбудил громкий топот, будто кто-то нарочно прыгал над головой. На улице было темно. Топот продолжался. Лера разозлилась, схватила телефон, отперла дверь и, желая разобраться с ночным балагуром, направилась к лестнице. По пути она пару раз споткнулась, пока не включила свет в коридоре. На лестнице царил зловещая полутьма, в гигантское окно виднелась щербатая луна, желтый свет уличного фонаря тенями ложился на мозаичный пол. Лера остановилась, злость схлынула, сменившись тревогой. Было удивительно тихо. Неожиданно снаружи прогудел звук мотора. По ночной улице пронесся автомобиль. Девушка, словно очнувшись от оцепенения, направилась дальше.

На третьем этаже перед ней предстал такой же длинный коридор, только обветшалый, будто нежилой. Скрипнули половые доски. В кромешной темноте Лера зашарила по стене рукой в поисках выключателя, нашла, щелкнула тумблером, яркой вспышкой загорелся свет и тут же с хлопком погас.

«Господи, да никто уже не использует лампы накаливания, — подумала она. — Что за дыра?»

В коротком всполохе света Лера успела рассмотреть, что коридор совсем не так захламлен, как на ее этаже. Она включила фонарик на телефоне и медленно пошла вперед. Дощатый пол ужасно скрипел. Каждый шаг нагонял жути, будто в фильме ужасов. Лера снова разозлилась и на себя, и на шумных соседей. Она уже подготовила гневную тираду, как вдруг заметила местами разрушившийся потолок. Кое-где штукатурка обвалилась, обнажая деревянные перекрытия. Старые обои отошли от стен и свисали пыльными

шматами. Под ногами что-то хрустнуло. Лера посветила вниз: куча мусора, бумажных упаковок и тряпья. В затхлом воздухе пахло пылью. В носу защекотало. Безумно захотелось вернуться.

«Ну нет!» — сказала она себе и, отшвырнув ногой тряпье, направилась к комнате ночного балагура.

До того Лера встречала закрытые двери. А теперь справа впереди зиял черный провал. Дверь стояла рядом, будто кто-то сорвал ее с петель и просто прислонил к стене. Она опасливо прошла мимо, боясь посветить в темный проем. Следующая дверь — нужная комната. Лера приблизилась, опустила телефон, прислушалась: ничего — ни топота, ни каких бы то ни было признаков жизни. Облезлая дверь чуть покосилась, ручка вовсе отсутствовала.

Постучала. Гулкий звук разнесся по коридору. От прикосновения дверь чуть подалась вперед, приоткрылась. Лера опешила. В ее детстве здесь часто не запирали двери, но сейчас складывалось впечатление полной необитаемости третьего этажа. По правде говоря, он был четвертым. Дом стоял на склоне, и со стороны реки имелся первый полуподвальный этаж.

Лера замерла, не решаясь посветить внутрь. Свет от телефона перебивал полумрак, мешал рассмотреть в узкую щель, что происходит в комнате. Приложив кулак к дверному косяку, она постучала еще раз. Результат тот же: тишина. В темноте коридора ей вдруг стало неуютно, даже жутко.

На ум пришла детская страшилка: «В черном-черном доме, за черной-черной дверью, в черной-черной комнате...»

Дверь и вправду была черной, только понять это было сложно: краска выцвела и облупилась.

«Тьфу ты! Что за бред лезет в голову?!» — отругала себя она и уверенно толкнула дверь.

Во тьме метнулась тень — или только показалось. Лера вздрогнула. Дверь скрипнула и глухо ударилась обо что-то.

В комнате давно никто не жил. Это было понятно сразу.

Мешал слепящий свет телефона. Он толком не мог осветить комнату, а только пугал еще больше. Лера дрожащими пальцами выключила фонарик. И, пока смотрела на яркий экран, ей казалось, будто кто-то наблюдает за ней из глубин брошенной квартиры.

— Кто здесь? — глупо спросила она.

Никто не ответил.

Когда глаза привыкли к темноте, Лера рассмотрела три окна, таких же, как в ее комнате. Два завешены тряпками, на одном — портьеры, в узкую щель между которыми сочился свет уличных фонарей. Поломанная мебель была свалена по сторонам. В этих завалах девушке мерещились детские силуэты.

— Не смешно! — громко сказала она. — Выходи! Тебе что, по ночам больше шататься негде?

Лера вспомнила, как сама в детстве обожала лазить по всему дому, забираться в самые укромные места, например чердак. Только подвал остался для нее неизведанной территорией. Бабушка строго-настрого запрещала совать туда нос.

Девушка сделала пару неуверенных шагов. Свет уличных фонарей проникал сквозь полуистлевшую ткань на окнах. Лере захотелось сорвать ее вовсе.

«Чертовщина какая-то, — подумала она. — Топот звучал прямо над головой, отсюда».

Впотьмах комната казалась значительно больше бабушкиной. Четвертое окно Лера сначала не замети-

ла. Заколоченное досками, оно пугало. Что-то было перед ним. Девушка силилась разглядеть черный силуэт. Было страшно включить телефон и увидеть нечто, скрывающееся во тьме. Дрожащими пальцами она все же потянулась к мобильнику в кармане. В этот момент оглушительно хлопнула дверь. От неожиданности Лера вскрикнула. Волоски на руках встали дыбом, по спине побежали мурашки. Она ощутила себя в западне и вдруг почувствовала, будто в лицо дохнуло холодом. Крик застрял в горле.

На одну ужасающую секунду Лера оцепенела, а потом бросилась к двери, рывком потянула ее и понеслась по коридору, спотыкаясь и хватаясь в темноте за стены. На лестнице она отдышалась, схватилась за перила, потом пошла спокойнее. Мурашки бежали по телу, в ушах стучало. В коридоре второго этажа горел свет. Как открывала дверь, не запомнила. От вида гроба по центру комнаты сердце зашло в груди. Судорожными движениями она провернула ключ в замке, села на диван.

«Что это было?! Черт! Твою ж...»

Частое дыхание вырывалось из горла. Лера никак не могла унять дрожь.

«Чего ты напугалась, балда?» — спросила девушка сама себя и уставилась на потолок.

Ей казалось, что, услышь она снова топот, с ума сойдет от страха. Но было тихо.

Лера бросила взгляд на трельяж: простыня висела на месте.

«Померещилось. В таком состоянии чего только не привидится».

Глядя в потолок и прислушиваясь, Лера просидела какое-то время. Позже она вспомнила, как днем тетя Зоя говорила, что дом хоть и памятник архитектуры, а находится в аварийном состоянии.